ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

ІЮЛЬ. 1867.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ОТЦѢ ѲЕОФАНѢ (АВСЕНЕВѢ).

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе (Евр. 13, 7).

Въ 40-хъ годахъ замѣчательнымъ профессоромъ философіи въ Кіевѣ былъ Петръ Семеновичъ Авсеневъ, изъ воспитанниковъ семинаріи Воронежской поступившій въ Кіевскую Академію и по окончаніи курса въ оной послѣ каѳедры нѣмецкаго языка скоро занявшій въ ней каѳедру философіи, и совмѣстно преподававшій тотъ же предметъ въ Университетѣ св. Владиміра. Въ Академіи онъ преподавалъ психологію, нравственную философію, философію исторіи и исторію новѣйшей философіи. Едва ли найдется изъ слушателей Петра Семеновича, кто бы не вспомянулъ его съ особеннымъ удовольствіемъ, почтеніемъ и любовію. Избранный въ наставники Академіи преосв. Иннокентіемъ, онъ до того усердно занимался наукою съ самыхъ первыхъ годовъ и до послѣднихъ своего незабвеннаго профессорства, что много утратилъ зрѣнія и здоровья. Это былъ, какъ говаривалъ Платонъ объ Аристотелѣ, *великій чтецъ*. Въ особенности читалъ онъ нѣмецкую философскую литературу, и въ ней любимѣйшими наставниками своими имѣлъ знаменитыхъ Якоби, Гердера и Шуберта. Но какъ мужъ православнѣйшій, Петръ Семеновичъ не подчинялъ своей мысли свободнымъ воззрѣніямъ нѣмецкихъ философовъ, а направлялъ ея полетъ къ созерцанію бытія сверхчувственнаго по руководству божественнаго откровенія. Онъ съ грустію отзывался о тѣхъ мыслителяхъ,

которые, стараясь уяснить по своимъ началамъ истины духовныя, впадаютъ въ уклоненія отъ воззрѣній озаряемой Откровеніемъ церкви, или въ ересь,—и самъ старался быть вполнѣ вѣрнымъ ученію церковному. Потому и источниками для своихъ предметовъ имѣлъ, при иностранныхъ пособіяхъ, св. Библію, Четьи-Минеи и писанія Отцевъ-подвижниковъ (Макарія В., Исаака Сирина, Іоанна Лѣствичника и др.) для психологіи, книгу блаж. Августина: *о градѣ Божіемъ* для философіи исторіи; для этого же предмета онъ указывалъ намъ въ пособіе исторію Боссюэта (а), этаго мудраго и благочестиваго епископа Франціи, которому церковь галликанская одолжена своимъ начальнымъ освобожденіемъ отъ римскаго деспотизма, и мысли котораго доселѣ живутъ въ лучшихъ членахъ этой церкви (*цизмонтанахъ*), и могутъ приготовить ее къ желаемому соединенію съ вѣримъ Христу и Апостоламъ Востокомъ. Нравственную философію свою Петръ Семеновичъ построялъ рѣшительно на началахъ христіаискихъ. Будучи самъ высокой нравственности, ее онъ возвышалъ надъ всѣмъ, ставилъ выше науки и исскуства, и въ философіи исторіи старался открыть слѣды божественныхъ началъ нравственныхъ. Такъ, разсуждая однажды, почему и какимъ образомъ Китай, при устарѣлости формъ государственной жизни своей, могъ просуществовать самостоятельнымъ государствомъ отъ глубокой древности и до нашихъ дней, профессоръ указывалъ явное исполненіе обѣтованія Божія надъ послушною пятой заповѣди націею китайской. Извѣстна глубокая почтительность Китайцевъ не только къ родителямъ, но и къ старшимъ. За эту-то почтительность Господь, говорилъ професоръ, наградилъ цѣлый народъ тѣмъ благословеніемъ, какимъ Онъ обѣщалъ наградить каждаго послушнаго сына, послушную дочь, почтительныхъ брать-

(а) Исторія *Боссюэта*, или читанные имъ наслѣдному принцу французскому уроки по всемірной исторіи переведены въ концѣ прошедшаго столѣтія на русскій языкъ. Онъ разсматриваетъ всю жизнь народовъ въ тѣсной связи съ христіанствомъ, и судьбы древняго міра созерцаетъ, какъ приготовленіе человѣчества къ принятію Спасителя, а судьбы новаго, какъ усвоеніе народами въ свою историческую жизнь великихъ началъ Христіанства.

евъ и сестеръ, говоря: *долголѣтенъ будеши на земли.* Глубокія идеи Гердера, касающіяся исторіи человѣчества, въ нашемъ профессорѣ возбуждали великое сочувствіе къ себѣ. Но особенно сочувствовалъ онъ Шуберту. По словамъ профессора нашего, это былъ мужъ по учености равносильный Гумбольту, но превзошедшій послѣдняго высотой созерцаній природы и человѣка. Шубертъ религіозенъ, и религіозностію своею привлекалъ къ себѣ глубоко религіознаго Петра Семеновича. Впрочемъ этотъ не подчинялся рабски мыслямъ нѣмецкаго философа, но его германскія воззрѣнія старался замѣнить воззрѣніями истинно-христіанской философіи. Такъ вмѣсто Шубертовой *души міра* или *лона всеобщій жизни* профессоръ нашъ указывалъ на творческую мысль о мірѣ всемогущаго Творца вселенной, служащую сущностію и первоосновою явленій жизни, и имманентнымъ закономъ вещей. Образчикокъ христіанскихъ воззрѣній на міръ профессора Авсенева сохранилась отпечатанная въ *Москвитянинѣ* статья его *о симпатіи въ природѣ*, исполненная учености, ума, и одушевленная глубокимъ чувствомъ автора. Неотпечатанными сохранились въ рукописяхъ учениковъ его многія статьи, по разнымъ отраслямъ наукъ философскихъ, какъ-то: психологія, исторія души, или ученіе о замѣчательныхъ состояніяхъ во снѣ, въ лунатизмѣ, въ помѣшательствѣ ума и т. д., и многія другія статьи. Благоговѣйно созерцавшій въ жизни человѣка участіе десницы Вышняго, психологъ нашъ умѣлъ примирить своими объясненіями, основанными на множествѣ опытовъ, мысль своихъ слушателей и съ такими печальными состояніями, каково напримѣръ сумасшествіе. По его понятіямъ, эта жестокая болѣзнь человѣка есть въ рукахъ промысла Божія страшная, но спасительная мѣра къ уврачеванію души отъ язвы грѣха. Большею частію, сильныя страсти, въ особенности страсть гордости, повергаютъ человѣка въ сумасшествіе. Но случалось отъ сумасшествія многимъ выздоравливать. И что замѣчали въ нихъ? Замѣчали людей совершенно измѣнившихся къ лучшему въ духовномъ отношеніи, людей сдѣлавшихся глубоко благочестивыми и нравственными. Не согласно ли подобное объясненіе съ св. Писа-

ніемъ? Припомните исторію Навохудоносора. Но нѣкоторые умираютъ въ сумашествіи, скажетъ читатель! Очень рѣдко, свидѣтельствовалъ профессоръ, и мы повѣряли его свидѣтельства показаніями многихъ духовниковъ (б) при умиравшихъ послѣ умопомѣшательства. И они свидѣтельствовали тоже. При отходѣ души отъ сей жизни у помѣшанныхъ возвращается ясное теоретическое и практическое сознаніе, и тогда они такъ хорошо припоминаютъ всю свою жизнь, такъ глубоко сознаютъ свои ошибки и прегрѣшенія, такъ искренно въ нихъ каются, что подлинно надобно удивляться, какъ изъ видимаго, страшнаго для человѣка, несчастія происходитъ высочайшее его благо,—вѣчное спасеніе души. Нѣкоторыми фактами изъ наблюденій надъ людьми нашъ профессоръ возбуждалъ въ самихъ насъ мысль къ объясненію великихъ истинъ вѣры. Такъ однажды передалъ онъ намъ разсказъ Шуберта о дѣвушкѣ, впавшей въ эпилепсію (падучую болѣзнь) отъ упрямаго желанія своего открытыми глазами смотрѣть на полуденное солнце. Не подобнымъ ли образомъ, думали тогда нѣкоторые изъ насъ, страждутъ тѣ дерзкіе умы, которые усиливаются постигнуть Непостижимаго (в). Профессоръ Авсеневъ относился съ глубокимъ уваженіемъ ко всѣмъ видамъ необыкновеннаго подвижничества ради спасенія души древнихъ анахоретовъ, на подвигиги коихъ приходится иногда слышать отъ многихъ нападки. Затворничество, молчальничество, столпничество и др. подвиги въ объясненіяхъ профессора находили себѣ полнѣшее оправданіе предъ судомъ близорукихъ судей христіанскаго подвижничества. Вообще говоря, его лекціи были столь интересны, что студенты академіи боялись проронить изъ нихъ хоть одно слово. И какъ профессоръ нашъ говорилъ очень пріятно, но довольно тихо, то слушатели постепено приподымались съ своихъ мѣстъ, наклоняли къ нему головы

(б) Между ними укажу на досточтимѣйшаго отца протоіерея Стефана Никифоровича Кашменскаго въ Вяткѣ и на достопочтеннаго отца Іоанна Аввакумовича Павлушкова во Владимірѣ.

(в) Какъ впадающій въ эпилепсію не сознаетъ окружающихъ предметовъ, такъ слишкомъ пытливые изслѣдователи Божества не видятъ ясныхъ слѣдовъ Его въ природѣ и человѣкѣ.

чрезъ парты и почасту до того одушевлялись его бесѣдами, что по самому тѣлу пробѣгалъ какъбы электрическій огонь. Въ глубокомъ раздумьи и молчаніи расходились мы отъ лекцій психолога и философа нашего, и уже чрезъ много часовъ передавали свои впечатлѣнія одинъ другому, или сносились въ повтореніи выслушаннаго. У студентовъ же Университета одушевленіе къ лекціямъ Авсенева простиралось, разсказывали, до того, что не рѣдко, въ знакъ особеннаго почета любимому наставнику, выносили его изъ аудиторіи на рукахъ, на его профессорскомъ креслѣ.

Развлеченія незабвеннаго профессора нашего состояли въ игрѣ на гусляхъ, соединенной съ пѣніемъ его и друзей его какихъ-либо духовныхъ пѣснопѣній, въ дружеской бесѣдѣ съ сослуживцами и въ рѣдкихъ выходахъ въ свѣтское общество Кіева. Жившіе въ верхнемъ этажѣ надъ его комнатами студенты почасту наслаждались, послѣ вечернихъ молитвъ, слушаніемъ мелодической игры Петра Семеновича, сопровождаемой пѣніемъ. Иногда собирались къ нему молодые баккалавры Академіи, засиживались далеко за полночь: но хозяинъ, радушно принимавшій гостей и предлагавшій имъ различное угощеніе, за зеленый столъ не садился; онъ бралъ въ руки книгу, садился подъ окно, и если была весенняя, либо лѣтняя пора, отворивъ его, смотрѣлъ на небо, или слушалъ пѣніе соловьевъ въ садахъ, либо торжественный гулъ лаврскаго колокола, въ 12 часовъ ночи приглашавшаго иноковъ къ молитвѣ. Разсказывали, что Петръ Семеновичъ имѣлъ намѣреніе вступить въ жизнь семейную, и думалъ было имѣть подругою жизни дочь одного изъ купцовъ кіевскихъ. Но это намѣреніе профессора почему-то не состоялось. Вѣроятнѣе всего потому, что не купцамъ было предпочесть ученость капиталамъ; такъ какъ ту особу, которую думалъ Петръ Семеновичъ взять за себя, скоро выдали за богатаго купца. Чтобъ не остаться на всегда въ скучномъ и неопредѣленномъ положенія стараго холостяка, а болѣе по религіозному настроенію своей нѣжной души, профессоръ Авсеневъ, будучи уже въ чинѣ статскаго совѣтника, вступилъ въ монашество, постригшись въ Кіе-

во-печерской Лаврѣ. Тогда, взявъ на себя должность безмезднаго преподователя свящ. Писанія въ Академіи, съ оставленіемъ за собою и философской каѳедры, отецъ Ѳеофанъ (имя принятое Петромъ Семеновичемъ въ монашествѣ), сколько до монашества усердно читалъ философовъ, столько же, если не болѣе, усердно занялся чтеніемъ святой Библіи, которая и его философскимъ лекціямъ сообщила болѣе свѣта и теплоты. Разъ говорилъ онъ студентамъ: «друзья мои! пятнадцать лѣтъ посвятилъ я на чтеніе произведеній лучшихъ мыслителей человѣчества, но какъ сожалѣю теперь, что св. библію читалъ доселѣ весьма рѣдко! Повѣрьте мнѣ, все лучшее, всѣ цвѣты, вся роскошь, какіе обрѣталъ я въ твореніяхъ философскихъ, почерпнуты изъ этого богатаго родника—св. Библіи». При такомъ сознаніи любимаго профессора, живо припомнились намъ всѣ похвалы и наставленія великихъ учителей христіанства относительно книгъ сввщеннаго Писанія, напримѣръ слова блаж. Іеронима: «пусть и сонъ застаетъ въ рукахъ у тебя священныя книги божественнаго Писанія, такъ чтобы твое падающее въ изнеможеніи лицо восприняла на себя священная страница!» Въ самомъ дѣлѣ, если царь-полководецъ древняго міра среди побѣдъ своихъ не забывалъ читать священныя для язычниковъ Грековъ книги (г): почему христіанину не имѣть настольною книгою Евангеліе своего Господа и писанія Его пророковъ и апостоловъ? Разсказываютъ и о нашемъ родномъ героѣ-царѣ, что съ нимъ въ его походахъ всегда былъ Новый завѣтъ, изъ котораго, послѣ молитвъ утреннихъ, всегда прочитывалъ онъ опредѣленное чтеніе (д). Но возвратимся къ отцу Ѳеофану. Наши Четьи-минеи онъ весьма любилъ и называлъ ихъ богатыми источниками душевѣдѣнія. А о писаніяхъ подвижническихъ отзывался, что все лучшее въ нѣмецкихъ психологіяхъ почерпнуто изъ бесѣдъ преп. Макарія В., изъ лѣствицы преп. Іоанна и другихъ. Къ церковнымъ пѣснопѣніямъ нашимъ имѣлъ онъ также полное сочувствіе и вниманіе. Сдѣлавшись инспекторомъ

(г) Александръ Македонскій—творенія Гомера. *Онъ всюду носилъ съ собою Гомера* (*Эллада. Вегнера.* СПБ. 1862 г. стран: 109).

(д) Блаженной памяти Императоръ Александръ Благословенный.

Академіи, отецъ Ѳеофанъ, во время праздничныхъ вседощныхъ, иногда становился въ храмѣ вмѣстѣ съ студентами. Тогда предъ нимъ ставили обыкновенно аналогій, на которомъ лежали книги богослужебныя (минея, или октоихъ, или тріодь, смотря по времени). Инспекторъ углублялся въ чтеніе каноновъ, слѣдилъ за пѣніемъ ирмосовъ и, когда какое-либо мѣсто обращало на себя его особенное вниманіе, подзывалъ къ себѣ кого-либо изъ студентовъ и, предлагая прочесть замѣчательную пѣснь, присоединялъ при этомъ: «Здѣсь-то заключаются сокровища богословскихъ созерцаній и св. чувствъ религіозныхъ.» По замѣчанію отца Ѳеофана, особенно стройно составлены пѣснопѣнія Церкви на великіе праздники. Начиная славить священное событіе въ своихъ предпразднествахъ, Церковь постепенно раскрываетъ черты его, торжественно изображаетъ славу въ немъ Божію въ самый праздникъ, и затѣмъ постепенно сокращаетъ тоны своего о Богѣ восторга въ пѣсняхъ попраздественныхъ: здѣсь гимнъ ея слышится, какъ бы пѣснь возлетающихъ отъ земли ангеловъ, удаляющихси отъ насъ, но своими славословіями зовущихъ къ своему неумолчному, небесному пѣснословію. Если припомнимъ, съ какимъ восхищеніемъ почтенный *Рамбахъ* въ своей *антологіи пѣснопѣній церковныхъ* отзывается о погребальныхъ гимнахъ св. Іоанна Дамаскина, если даже погруженный въ ученость холодный нѣмецкій умъ такъ сочувствуетъ пѣснопѣніямъ нашей церкви: можно ли удивляться, что нашъ профессоръ, не забывавшій, при образованіи ума, и своего сердца, глубоко сочувствовалъ этимъ высокимъ излія-ніямъ сердечной жизни, какія представляютъ въ себѣ многія изъ пѣсней Церкви? И какъ не пожалѣть при этомъ, что многіе изъ насъ священниковъ и прочаго причта Церкви, близь этаго живаго родника религіозныхъ чувствъ и созерцаній находящихся, весьма холодно относятся къ богослужебнымъ книгамъ!

Давно уже предсталъ нашъ безцѣнный отецъ инспекторъ предъ судъ Божій, и не знаемъ, что̀ сказано его душѣ на семъ нелицепріятномъ судѣ. Но мы знаемъ, что жизнь сего досточтимѣйшаго отца, протекавшая въ глазахъ нашихъ, шла безукоризненно для суда человѣчес-

каго. Вступивъ въ монашество, отецъ Ѳеофанъ неопустительно ходилъ и въ будни въ храмъ Божій, подобно главному тогдашнему незабвенному начальнику нашему (да хранитъ Господь дни его на свѣщникѣ высшаго свѣтѣнія!), и подобно же ему далекъ былъ отъ шума молвы житейской. Нарекши *премудрость* себѣ *сестрою* и *невѣстою*, отецъ Ѳеофанъ, безпрепятственно отъ молвы житейской, внималъ ей въ ея истинныхъ источникахъ, мудро отстраняя и отъ своихъ учениковъ мутные потоки лжемудрованія человѣческаго. Когда въ *Современникѣ* за 1847 годъ появилась злая статья *Литтрѐ*: объ успѣхахъ новѣйшей физіологіи, гдѣ сочинитель разсуждалъ, что будто бы разумныхъ цѣлей въ мірѣ нѣтъ и ученіе о цѣляхъ ума божественнаго, или о конечныхъ причинахъ, будто-бы окончательно пало, и такимъ образомъ отвергалъ самое бытіе вседержавнаго предвѣчнаго Духа, все создавшаго Своею дивною премудростію, Бога: отецъ инспекторъ, знавшій, что студенты выписываютъ «Современникъ», призвалъ къ себѣ ихъ и вотъ что имъ сказалъ: «Молоко кормилицы безсознательно для младенца, входя въ плоть и кровь его, отражаетъ въ немъ и душевныя ея свойства. Такъ, друзья мои, и мысли, нами слышимыя въ юности, незамѣтно для насъ самихъ входятъ въ духовный организмъ нашъ. Послѣ и рады бы мы были отъ иныхъ отказаться, но бываемъ не въ силахъ. «Современникъ» проповѣдуетъ матеріализмъ и безбожіе. Совѣтую же вамъ его не читать. Хотя бы мысли его кому и не нравились теперь, но впослѣдствіи иные изъ васъ могутъ увлечься ими». Выслушавъ мудрое наставленіе уважаемаго профессора, мы перестали выписывать «Современникъ». Интересныя по философіи и по свящ. Писанію книги выписывалъ нашъ отецъ инспекторъ на собственныя деньги и чтеніемъ ихъ охотно дѣлился съ студентами (е). При большемъ въ монашествѣ своемъ вниманіи къ св.

(е) Здѣсь не могу не припомнить одного замѣчанія отца Ѳеофана: «Я перечиталъ—говорилъ отецъ Ѳеофанъ, много введеній въ свящ. Писаніе въ иностранныхъ литературахъ, но наше руководство къ чтенію свящ. Писанія, составленное преосвящ. Амвросіемъ, всѣмъ читаннымъ мною предпочитаю, какъ большими достоинствами обладающее».

Библіи, онъ не оставлялъ и прежде любимыхъ книгъ своихъ философскихъ, и иногда и въ дружескіе кружки являлся съ какой либо новой, интереспой книгою, и, улучивъ себѣ уютное отъ прочихъ гостей мѣсто и благопріятный часъ, погружался въ чтеніе, забывая, что онъ въ гостяхъ. Разъ, пріѣхалъ онъ къ дружественному съ нимъ отцу намѣстнику Лавры, и по прибытіи туда же нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ иноковъ академическихъ и семинарскихъ, получилъ отъ хозяина дружеское порученіе разлить гостямъ чай. Но сѣвши за чайный столъ, прежде чѣмъ былъ поданъ самоваръ, онъ вынулъ изъ своего кармана привезенное новое нѣмецкое сочиненіе и до того погрузился въ чтеніе, что не замѣтилъ ни поданнаго самовара, ни окружавшихъ посѣтителей, которымъ пришлось бы на сей разъ обойдтись безъ чаю, еслибъ хозяинъ не снялъ порученія съ своего друга, принявшись самъ за чайникъ. Въ Кіево-печерскую Лавру отецъ Ѳеофанъ любилъ удаляться для молитвы нерѣдко, особенно на великіе праздники, и, предъ началомъ богослуженій, бесѣдовалъ въ храмѣ съ извѣстными ему благочестивыми старцами о вѣчномъ спасеніи души. Наставленіями ихъ, по пріѣздѣ въ Академію, дѣлился онъ съ нами. «Чай, говорилъ однажды намъ профессоръ, относится къ роскоши; опъ данъ Китайцамъ для поправленія тамошней непріятной для вкуса и не очень полезной здоровью воды; но у насъ вошло употребленіе его въ привычку. Можно однакожь и эту прихоть обратить къ славѣ Божіей. Вотъ лаврскіе старцы наприм., напившись вечеромъ, послѣ вечерни, чаю, тотчасъ становятся на продолжительную келейную молитву. Когда чаемъ, говорятъ они, освѣжимъ свои старыя кости, тѣлу становится легче, и, доколѣ легко намъ чувствуется, мы спѣшимъ воспользоваться своею бодростію, чтобъ принести Владыкѣ всяческихъ и Подателю всѣхъ благъ и духовное, и тѣлесное поклоненіе и благодареніе». Хорошо, друзья мои,— говорилъ намъ въ другой разъ профессоръ, не употреблять не только водки, оглушающей сознаніе, но и виноградпаго вина, о которомъ единственно (а не о нашей русской водкѣ) сказано, что вино веселитъ сердце. Знаю одного 80-ти-лѣт-

няго старца въ Лаврѣ, который не вкушаетъ ни вина, ни даже чаю, иначе, какъ развѣ только въ качествѣ лѣкарства въ своихъ рѣдкихъ весьма болѣзняхъ. За то этотъ старецъ и прожилъ такъ долго, и не испытывалъ множества тѣхъ болѣзней, какимъ подвергаются люди, привыкшіе къ употребленію винъ». Въ Лаврѣ имѣлъ себѣ отецъ Ѳеофанъ и духовника, одного изъ тамошнихъ схимонаховъ. Заботясь о благоустроеніи нравственности студентовъ, онъ и для исповѣди нашей приглашалъ кого либо изъ опытныхъ въ духовной жизни старцевъ. Въ одинъ годъ пригласилъ онъ къ намъ подвижника св. горы Аѳонской, перемѣстившагося съ Аѳона въ Кіевскую Лавру по болѣзни въ ногахъ. Этотъ приснопамятный духовникъ преподалъ каждому изъ студентовъ при исповѣди множество драгоцѣнныхъ наставленій о духовной жизни, особенно необходимыхъ для священниковъ.

Учившись у подвижниковъ и будучи самъ глубокимъ подвижникомъ, отецъ Ѳеофанъ внушалъ и намъ, что безъ подвижничества, безъ отказа себѣ въ различныхъ прихотяхъ, безъ борьбы съ самимъ собою, невозможно пріобрѣсти истинно-христіанскую нравственность. Указуя на Церковь, какъ на руководительницу къ подвигамъ, онъ училъ насъ, когда вступимъ въ жизнь, слѣдовать строго уставамъ церковнымъ. Когда церковь, напримѣръ, благословляетъ разрѣшеніе на вино, тогда можно употребить его съ умѣренностію, ею же внушаемою; но когда не значится въ святцахъ подобнаго благословенія, тогда употребленіе укрѣпляющаго силы напитка будетъ не въ подкрѣпленіе силъ, ибо не послѣдуетъ благословенія Церкви: а гдѣ нѣтъ благословенія ея, тамъ не почиваетъ и Божіе благословеніе. Но студентамъ отецъ инспекторъ, согласно наставленію блаж. Іеронима клирикамъ, не благословлялъ разрѣшать на вино и во дни благословляемые для сего Церковію. Въ одинъ день, по пріобщеніи нашемъ св. таинъ, онъ замѣтилъ въ одномъ номерѣ бутылку винограднаго вина и сказалъ при семъ случаѣ такое наставленіе: «вы нынѣ приступали къ чашѣ Завѣта Божественнаго; зачѣмъ же такъ скоро хотите обратиться къ чашѣ веселія земнаго»? Поставляя, какъ и всѣ учители христіанскаго подвижничества, послушаніе первымъ

его правиломъ, отецъ Ѳеофанъ строго взыскивалъ съ ослушныхъ порядку академической жизни и приказаніямъ начальства. На общія вечернія и утреннія студенческія молитвы нерѣдко прихаживалъ самъ и также строго штрафовалъ не находимыхъ имъ на молитвенномъ правилѣ студентовъ. Этимъ конечно возбуждалъ онъ противъ себя ропотъ нѣкоторыхъ, но только нѣкоторыхъ..... Съ грустію взиралъ онъ на легкомысленно смотрѣвшихъ на жизнь и думавшихъ видѣть въ ней одни наслажденія. Даже высшія наслажденія духа наукою и искуствомъ — по словамъ его — не могутъ довлѣть для человѣка. Ему потребно для достиженія блаженства общеніе съ Богомъ. Въ объясненіе, какимъ образомъ наука и искуство, уклоняясь отъ служенія религіи, дѣлаются мучительны, а не успокоительны для человѣка, отецъ Ѳеофанъ указывалъ намъ на превосходныя статьи г. Одоевскаго: *Импровизаторъ* и *Себастіанъ Бахъ*, помѣщенныя *въ Русскихъ ночахъ* сего почтеннаго писателя, и вообще рекомендовалъ намъ прочесть всю его книгу, особенно 1-ю часть, гдѣ авторъ раскрываетъ, что упадокъ въ западной Европѣ науки, искусства и политики, начался съ тѣхъ поръ, какъ высокія идеи религіи перестали освѣжать и воскрилять собою ученыхъ, художниковъ и политиковъ. Отеческія наставленія инспектора въ соединеніи съ его превосходными лекціями дѣлали если не всѣхъ насъ философами, по крайней мѣрѣ всякаго располагали съ философскою строгостію смотрѣть на жизнь. Особенно благотворное дѣйствіе оказали на молодые умы наши лекціи почтеннаго нашего инспектора - профессора по нравственной философіи, гдѣ онъ глубоко и впечатлительно раскрывалъ высокія понятія о назначеніи человѣка, какъ существа духовно-чувственнаго, о второстепенномъ значеніи тѣла, о причинахъ перевѣса чувственности надъ духовными стремленіями, о законѣ нравственной жизни и его приложеніи къ частнымъ отношеніямъ человѣка. Обогащенный многосторонними свѣдѣніями, вдохновенный высокими идеями, онъ преподавалъ философію жизни со всею увлекательностію, подтверждая правила ея примѣрами исторіи и свѣдѣніями о жизни истинно-нравственныхъ личностей — святыхъ угодниковъ. Безмолвно вни-

мали мы профессору, и слагая въ душахъ своихъ выслушанное сокровище истинъ, незамѣтно для самихъ себя изъ разсѣянныхъ и легкомысленныхъ дѣтей, какими поступала большая часть изъ насъ въ Академію, становились если не всѣ, то многіе солидными юношами. Въ дружескихъ своихъ бесѣдахъ студенты любили собирать преданія, шедшія изъ курса въ курсъ, о жизни любимаго профессора, и къ своему утѣшенію и вмѣстѣ наставленію видѣли, что подлинно эта полезнѣйшая жизнь его протекла безупречно. Свѣтлымъ остался въ душахъ нашихъ образъ отца Ѳеофана Авсенева. Не напрасно избралъ его въ наставники высшаго училища проницательный преосвященный Иннокентій. Отецъ Ѳеофанъ великолѣпно выполнилъ задачу свою, свершилъ свое призваніе. И на этомъ святомъ поприщѣ наставника, онъ, можно сказать, истощилъ всего себя съ полнымъ самоотверженіемъ; утратилъ силу зрѣнія, прежде времени сдѣлался согбеннымъ, истощеннымъ старцемъ. Когда, по представленію св. Сѵнода, благоволительно воззрѣвшій на заслуги ученаго архимандрита Ѳеофана, блаженной памяти императоръ Николай I-й, назначилъ его настоятелемъ русской посольской Церкви въ Римѣ, нашъ профессоръ-инспекторъ едва могъ рѣшиться на далекое путешествіе при своей многоболѣзненности, и единственно изъ благоговѣйнаго послушанія Царю и Сѵноду не отказался отъ новой должности, съ которой скоро сошелъ онъ въ могилу. Но прежде чѣмъ скажу о его кончинѣ, упомяну объ одномъ событіи изъ жизни профессора, довольно обнаруживающемъ отеческую его благорасположенность къ студентамъ.

Въ 1847 году одинъ изъ студентовъ Академіи, пришедши въ Лавру къ утрени Свѣтлаго Христова Воскресенія, вошелъ въ соборный храмъ лаврскій за полчаса до службы. По множеству собравшихся богомольцевъ, нашъ юноша былъ затѣсненъ у раки первосвятителя, св. Михаила, и, опасаясь еще большаго стѣсненія, съ трудомъ выбрался изъ церкви, чтобъ освѣжиться воздухомъ, и уйдти въ Академію. Но, замѣтивъ, что въ тѣснотѣ онъ обронилъ фуражку, вошелъ въ кельи отца намѣстника, чтобъ у кого-либо изъ клейныхъ взять для себя кар-

тузъ. Въ передней комнатѣ келлій сидѣли и бесѣдовали, готовые идти въ церковь, отецъ Ѳеофанъ и отецъ Парѳеній, архимандритъ Выдубицкаго монастыря въ Кіевѣ. «Что это съ вами?» заботливо спросилъ отецъ Академіи инспекторъ вошедшаго студента, на лицѣ котораго замѣтна была смертная блѣдность. Когда этотъ объяснилъ происшедшее съ нимъ, отецъ Ѳеофанъ продолжалъ: «а теперь желаете ли помолиться съ нами, или пойдете домой»? «Очень бы хотѣлъ, отецъ инспекторъ, помолиться здѣсь, отвѣчалъ юноша,—но не знаю, какъ пробраться уже въ церковь.» Пойдемте же съ нами сказалъ инспекторъ и, обратясь къ отцу Парѳенію, примолвилъ: проведемте, отецъ архимандритъ, въ храмъ студента.» Два старца въ сопровожденіи молодаго человѣка пошли въ церковь; подошедши къ храму, они стали одинъ за другимъ, помѣстивъ юношу между собою. Такимъ образомъ пошли они въ церковь и привели студента въ олтарь придѣла святыхъ Архангеловъ, гдѣ въ совершенномъ уединеніи насладился онъ слышаніемъ величественной лаврской пасхальной утрени. «О, еслибъ такъ — думалъ онъ восхищенный — кто либо изъ святыхъ Божіихъ привелъ мена недостойнаго и въ храмъ вѣчной славы Воскресшаго, гдѣ воскресеніе Его Ангелы поютъ,» и на всю жизнь сохранилъ самое благодарное воспоминаніе къ отцамъ, доставившимъ ему утѣшеніе молиться въ свѣтлое утро Воскресенія Жизнодавца въ св. Кіево-Печерской Лаврѣ.

Достигнувъ Петербурга, нашъ больной профессоръ ожилъ здѣсь не только отъ духовной утомленности многолѣтними занятіями, но и отъ физическихъ недуговъ. Благосклонное вниманіе Августѣйшаго Монарха уже и само по себѣ сообщило отцу Ѳеофану какъбы новыя силы. Но кромѣ этого незабвенный императоръ поручилъ одному изъ собственныхъ Его Величества лейб-медиковъ внимательно заняться состояніемъ здоровья настоятеля русской посольской церкви въ Римѣ. Въ непродолжительномъ времени, бывшій отецъ инспекторъ академіи писалъ изъ Петербурга къ своимъ друзьямъ кіевскимъ между прочимъ слѣдующее о себѣ, утѣшительное для нихъ и для студентовъ, извѣстіе: «посмотрѣть на меня теперь, вы меня не узнали бы: я выпрямился, пополнѣлъ и хожу

бодро и весело.» Счастливый климатъ Италіи внушалъ намъ большія надежды на дальнѣйшее возстановленіе силъ нашего драгоцѣннаго отца Ѳеофана. Но Господь судилъ иначе. Поправленіе здоровья профессора въ Петербургѣ было подобно послѣднимъ проблескамъ догорающаго свѣтильника. По пріѣздѣ въ Римъ отца Ѳеофана, въ непродолжительномъ времени прочли мы съ глубочайшею грустію некрологъ о немъ, написанный рукою его ученика, воспріемнаго по монашеству сына и вмѣстѣ друга, досточтимѣйшаго отца архимандрита А.....а: по описанію некролога (ж), о. Ѳеофанъ скончался сидя въ креслѣ за книгою, столь тихо, какъ бы уснулъ. Да покоится въ радости душа его въ нѣдрахъ Авраама, во свѣтѣ лица Божія, которое и на землѣ созерцать, хотя *яко зерцаломъ въ гаданіи*, было для него высшимъ наслажденіемъ жизни. Да отдыхаетъ мирно тѣло труженика православной христіанской науки въ землѣ, освященной кровію апостоловъ первоверховныхъ и безчисленныхъ исповѣдниковъ и мученниковъ христіанства, до радостнаго утра воскресенія человѣковъ. А въ сіе вожделѣнное утро да сподобится и писавшій строки сіи о тебѣ, наставникъ незабвенный, по твоимъ молитвамъ, узрѣть тебя и насладиться славою, какою, уповаю, прославитъ и возвеселитъ тебя Царь славы Христосъ!

Священикъ Николай Флоринскій.

(ж) Некрологъ этотъ, написанный прекрасно, какъ и все выходящее изъ подъ пера о. архим. А.....а, помѣщенъ въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія за 1852 годъ. Къ сожалѣнію не успѣлъ я отыскать книжки, гдѣ онъ напечатанъ, чтобъ особенно замѣчательное сообщить изъ некролога читателю.